В.Н. Чернецкий

ГРУСТНАЯ УСЛАДА ВОСПОМИНАНИЙ

Это не заголовок с претензией, это афоризм Альфреда де Мюссе. Воспоминания всегда грустны: вспоминаешь о хорошем – грустно, что оно прошло, а если о плохом, – то грустно, что оно было.

Излагать на бумаге воспоминания о давно прошедшем трудно, и этот постулат не столь банален, как может показаться на первый взгляд. Причиной тому не бесталанность пишущего (тут уж, извините, кому что дано) и даже не слабеющая память. Многие помнят события сорокалетней давности лучше, чем только что переданный прогноз погоды, хотя телевизор ради него и включался. Здесь другое. Молодой аспирант образца 1971 года и потрепанный ветрами истории (это даже без намека на гротеск) работающий в научном бизнесе «мужик» предпенсионного возраста – два абсолютно разных человека. Кроме ДНК – ничего общего. Ни мыслей, ни чувств, ни… Да, совсем ничего. И если наложить второго на первого (а иначе как?), то выйдет ли из этого что-нибудь путное?

Около семи лет назад мой (наш – со Славой Львовым и Юрой Книрелем) университетский курс отмечал тридцатилетие выпуска, и выяснилось, что более 90% собравшихся – действующие химики. Это приятно удивило. Но когда на поминках Шефа Ляля Калиневич сказала мне, что каждый день стоит у тяги, зарабатывая достойные деньги, меня это сразило наповал. Вроде, уже можно было бы передохнуть в каком-нибудь офисе. Но все *наши* оказались хорошими, крепкими профессионалами. В деградирующее чуть ли не по всем параметрам время это дорогого стоит.

В первой половине 1970-х годов нас было 8-9 человек, занимавших половину четырехмодульной комнаты. Это была группа А.Ф. Бочкова, которого Ваня Обручников прозвал Учителем (за глаза, конечно). Мы все подхватили это прозвище, и для нас оно сохранилось до сих пор. Шеф – это Шеф, а Учитель – это Учитель. Так вот ни Шефу, ни Учителю, ни нам остальным не было на этих шестнадцати квадратных метрах тесно. А кто бы из нас сегодня согласился работать в таких условиях?

Ну, у Шефа, положим, был директорский кабинет, на мой взгляд, не очень уютный. А вот когда он часов в восемь вечера садился у нас в 414-й на трехногую сталинскую табуретку, стрелял у меня или у Виталия Бетанели сигарету и начинал рассуждать о побочных реакциях при гликозилировании ортоэфирами, ему было уютно. И не тесно! Из трех ног табуретки на полу в каждый момент находились одна, от силы две, но Шеф не упал ни разу. Писали мы

при этом на выдвижных досках (досточках). Теперь у всех письменные столы, помимо лабораторных столов и тяг. Но часто бывает неуютно. И почему-то даже тесно.

Я далек от воспевания прелестей коммунальных квартир, тем более, что и сам в такой родился. Отдельные лучше, стопроцентно. Но та половина 414-й комнаты (где Яков Возный работает сейчас на том же месте, что и 35 лет назад, хоть стой, хоть падай) носила характер коммунальной в самом позитивном смысле этого слова. Ощущение дома было полным. Там я многократно, просто шкурой испытал, что понедельник действительно может начинаться в субботу. А то и в пятницу. Классическое произведение братьев Стругацких было написано ещё тогда, когда суббота в СССР была рабочим днем. В связи с этим помню неоднократно повторяемое Учителем заклинание: «Эти проклятые (в смысле нерабочие) субботы!». Это говорил настоящий ученый-шестидесятник, но ведь еще и еврей! Впрочем, только наполовину и совсем не религиозный.

А.Ф. Бочков

В той комнате мы не работали, а просто жили. И не потому, что стремились делать карьеру (звучит примитивно-дидактично, но, ей-Богу, правда). Ну, скажите мне, Яша, Ваня, Виталик, наконец, Вы, Учитель, – сделали ли вы её? Много ли у вас высоких должностей, почетных званий, наград?

В.М. Дашунин

Ещё в нашей группе был Владимир Матвеевич Дашунин (Царствие ему Небесное). Химию он любил и знал хорошо, но сделать хоть что-нибудь полезное средствами нашей науки ему не удавалось. Никогда. Ни разу. По внешнему виду он был похож на бомжа (хоть тогда и не было такого слова). При этом владел немыслимым количеством языков. Его познания в литературе, кино и живописи были фундаментальными. Его иконой была классическая музыка. Все 200 кантат Баха он свободно исполнял и по-латыни, и по-немецки. Крупные музыковеды всех континентов обращались к нему за записями редчайших исполнений. В его гигантской фонотеке была пластинка с записью легендарного исполнения 3-й симфонии Бетховена под руководством Вильгельма Фуртвенглера в конце 2-й мировой войны.

Судьба Матвеича (как мы его называли и называем) была тяжела. В 1949 г. один конкурирующий с Шефом ученый написал донос, что

В.М. Дашунин (аспирант Шефа) является японским шпионом (Матвеич тогда аккурат завершал изучение японского). Карьере стукача это замечательно помогло – он стал академиком более чем на десять лет раньше Шефа. А отсидевший семь лет Матвеич после освобождения (или, как он любил говорить, – «по выходе из малой зоны в большу́ю») опекался Шефом 30 лет, из которых почти 20 он проработал в Лаборатории. При этом Шеф прекрасно сознавал, что Матвеич музыковед замечательный, а химик-синтетик – никакой.

А лучшим химиком у нас был, конечно, Виталий Бетанели (простите, Учитель). Мне трудно представить, что кто-либо в мире знает химию лучше него (многие годы учительства, репетиторства и попыток написания учебников позволяют мне судить об этом со знанием дела). Но при этом он был и творцом, настоящим синтетиком (в этом, Учитель, пожалуй, Вам все-таки уступая). Стоило при нем брякнуть какой-нибудь химический ляп, он приспускал очки, и от его взгляда было некуда деться. В 1965 г. про десятиклассника В. Бетанели была написана статья (в «Правде», ну чтоб я помер!) «Тбилисский гений с примусом». Другого нагревательного прибора у него в ту пору не было.

В.И. Бетанели

Наши нигде не пропадают. В 1992 г., будучи в командировке в США в соседнем с Виталиком штате (повидаться времени никак не было), я ему позвонил. После пары минут разговора мне показалось, что он испытывает какое-то неудобство. И действительно, он спросил мой номер телефона, перезвонил, и после этого мы говорили долго. Теперь уже, конечно, за его счет.

Ну, не пропадают, а затеряться могут. Простите, Учитель, я имею в виду Вас. Я всегда был уверен, что Ваш уровень – это Меервейн, Альдер, Кори, быть может, и сам Фишер. Но научную принципиальность Вы поставили выше своей карьеры. Язык не повернется сказать, что, возможно, это была ошибка, но в голове что-то такое иной раз нет-нет, да и промелькнет. Больно сознавать, что все-таки Вы затерялись. Но, конечно, не в наших сердцах.